

Алиса
Росман

Однальная
БОЯРЫНЯ

Алиса Росман
Опальная боярыня

«Автор»

2026

Росман А.

Опальная боярыня / А. Росман — «Автор», 2026

— Но ты не можешь так просто оставить нас! Я же твоя жена— Я больше не могу так жить! — голос мужа прозвучал резко и холодно, точно удар ножом. — Каждый день с тобой — хуже тюрьмы. Лучше казни, чем смотреть на твое вечно недовольное лицо. Он резко пришпорил Грома, и конь, фыркнув от неожиданности, рванулся с места. Я стояла, вцепившись в косяк двери, и смотрела, как силуэт моего мужа с другой женщиной в седле становится все меньше, пока не скрывается за поворотом. Муж бросил меня с тремя детьми на руках, в долгах и без прав. Я должна найти способ, как сохранить наш дом и земли. Вот только в нашем мире женщина должна рожать детей, а не управлять землями. Но мне придется найти способ это изменить.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	30
Глава 14	32
Глава 15	34
Глава 16	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алиса Росман

Опальная боярыня

Глава 1

Утро выдалось на редкость прохладным, и колючий ветер пробирался даже сквозь толстую шерсть моей шали. В конюшне, куда я зашла, пахло дегтем, сеном и теплым паром от лошадей.

Я пришла проведать вороного Грома — жеребец стоял понурый, с неделю уже отворачивался от овса, и в его глазах читалась непонятная тоска.

Но едва я переступила порог, как замерла, будто вросла в обледеневший пол.

Из-за стойки доносился знакомый голос, от которого когда-то теплело на душе.

— Давай, шевелись быстрее. Моя сейчас с детьми занята, — это был голос Мирослава, моего мужа.

— А отчего такая спешка? — послышался в ответ женский, молодой голос, в котором я с трудом узнала Малушу. Ту самую служанку, над которой мы сжалились и приютили после мора, выкосившего ее деревню.

— Князь людей послал. Долг требует. К утру его люди будут здесь, я не хочу быть здесь, когда они приедут.

Сердце упало куда-то в пятки, и я, не помня себя, шагнула вперед, из тени в свет, падающий из оконца. И застыла.

— Ольга? — Мирослав резко обернулся, и в его глазах мелькнуло то самое смущение, что бывало, когда он провинился. — Что ты здесь делаешь?

— Это я должна спросить, что ты здесь делаешь? — вырвалось у меня.

Его руки все еще лежали на талии Малуши, прижимая ее к себе, но, увидев мой взгляд, он оттолкнул девушку, будто обжегшись.

На нем была его лучшая, соболья шуба, та самая, что надевалась лишь для визитов к князю. А Малуша, прячась за его спиной, куталась в мою меховую накидку. На ее тонких пальцах, которыми она так ловко доила коров, поблескивали мои кольца.

Смущение в его глазах погасло, сменившись привычной расчетливостью и каким-то странным, лихорадочным блеском.

— Мы с Малушей уезжаем. В Южные земли. Там нас ждет новая жизнь, — бросил он, уже поворачиваясь к коню.

Он ловко вскинул девушку, как куль с поклажей, на спину моего же Грома и сам легко запрыгнул в седло.

— Ты с ума сошел? — голос мой дрогнул. — А дети? Ратибор, Снежана, Милован? А долги? Ты же клялся, что мы со всем справимся, что вместе разберемся! И это... это мои украшения!

— Дети? Они уже взрослые, — отмахнулся он, будто смахивая соринку. — А ты уж как-нибудь, Ольга. Ты всегда была мудрой, управлялась с хозяйством не хуже меня.

— Но ты не можешь так просто оставить нас! Я же твоя жена...

— Я больше не могу так жить! — его голос прозвучал резко и холодно, точно удар ножом. — Каждый день с тобой — хуже тюрьмы. Лучше казни, чем смотреть на твое вечно недовольное лицо. Всё, нам пора.

Он резко пришпорил Грома, и конь, фыркнув от неожиданности, рванулся с места, вынеся их из конюшни в ослепительную белизну дня.

Я стояла, вцепившись в косяк двери, и смотрела, как силуэт моего мужа с другой женщиной в седле становится все меньше, пока не скрывается за поворотом.

А я все стояла. Смотрела в пустоту. Он не просто бросил меня с тремя детьми на руках. Он прибрал к рукам последнее, что могло нас спасти — коня, мои украшения, которые можно было продать или отдать в залог.

И что теперь у меня осталось? Практически ничего.

Ни денег, ни прав — мы по уши в долгах, а я, как женщина, не имею права управлять ничем без мужа. Нас просто вышвырнут отсюда, с нашей же земли, на улицу, с нашими же детьми.

В ушах стоял оглушительный звон, а внутри была лишь ледяная, всепоглощающая пустота.

Глава 2

Наконец ледяное оцепенение отпустило меня, сменившись приступом паники. Я рванулась к воротам, цепляясь подолом за обледневшую колоду.

— Стойте! — закричала я в пустоту, но в ответ лишь ветер погнал по дороге поземку. — Вернитесь!

Из дома, насупленно кутая плечи в толстый платок, выбежала Зарема. Возраст сгорбил ее стан, но взгляд оставался таким же острым, как и тогда, когда она нянчила еще меня, пугливую девочку.

— Барыня? Ольга? Что случилось?

— Он уехал... — выдохнула я, и голос предательски сломался. — С Малушей. Забрал Грома и мои украшения... последнее, что было... Зарема, что мы будем делать?

Нянька, не говоря ни слова, подошла и обняла меня за плечи. Ее руки, шершавые от работы, были тверды и надежны.

— Этого следовало ожидать, дитяtko, — тихо сказала она.

— Следовало ожидать? — я отстранилась, чтобы взглянуть ей в лицо. — Я же... Но он никогда...

Слова застревали в горле комом обиды и стыда. Наверное, я была слепа. Слишком занята детьми, хозяйством, долгами, чтобы разглядеть очевидное. Да, между нами давно пролегла стена молчания и холодности, но разве в боярских семьях бывает иначе?

Я все равно верила, что дети и общая беда скрепят семью прочнее любых клятв.

— Но дети... — прошептала я, чувствуя, как подкашиваются ноги. — Он не может просто так бросить своих детей?

— Мужчина, что захочет, то и может, — ее слова прозвучали с горькой, старческой мудростью. — Пойдем, пойдем в дом, на холодном ветру горевать нечего. Тебе надо в себя прийти.

Она повела меня, покорную, через двор.

— Зарема, долги... Княжеские люди могут нагрнуть с часу на час. Что мы будем делать?

— Выход искать, голубка. Решения принимать. Ты справишься. Сильная ты. Я с пеленок тебе говорила — в тебе сила заключена, огненная, от предков твоих.

— Какая сила? — с горькой усмешкой возразила я. — Я всего лишь женщина. Мне никто и слова не даст сказать, права не дадут управлять чем бы то ни было.

— Потому и нельзя, чтобы кто-то узнал, — она резко остановилась у двери в горницу и посмотрела на меня пристально. — Никто.

Она втокнула меня в тепло сеней и повела на кухню. Навстречу бросились дети с испуганными вопросами на устах, но Зарема властно остановила их:

— Идите, играйте во дворе. Матери нужно отдохнуть.

Она усадила меня на лавку, сунула в руки глиняную кружку с дымящимся травяным отваром, горьким и терпким.

— Мне нужно... нужно сообщить послуживцам... — пробормотала я, глотая горячий чай.

— Нет, — резко оборвала Зарема, и я подняла на нее взгляд. — Никому. Ни слова. Чувства свои в кулак сожми. Сейчас не время для них. Мы никому не скажем, что он сбежал, как последний вор.

— А что мы скажем? — спросила я, чувствуя, как в голове проясняется от ее твердого тона.

— Скажем, что уехал по срочному делу — новые торговые пути налаживать в дальних краях. А ты, как верная жена, ведешь хозяйство до его возвращения.

— Но если прознают... — я наклонилась к ней ближе, и голос сорвался на шепот, — мне конец. Нас вышвырнут.

— Значит, будем держать язык за зубами, — так же тихо ответила она. Ее глаза сузились. — А ты, Ольга, соберись. Ты теперь и мать, и отец, и боярин для этих земель. Давай, пей. Я детей успокою.

Зарема вышла, а я осталась сидеть, сжимая в ладонях теплую кружку. В голове, вытесняя панику, застучали трезвые, тяжелые мысли. Она права. Никому нельзя знать правды. Я должна найти способ все это удержать — дом, землю, детей. И как-то расплатиться с долгами, что висят над нами, словно занесенный топор.

Глава 3

Не успела я как следует обдумать свое положение, как в дверь снова постучала Зарема и, не дожидаясь ответа, вошла с озабоченным видом.

– Послуживцы князя уже здесь!

– Как здесь? – у меня похолодело внутри. – Так скоро?

– Не знаю, видимо, кто-то прознали или просто на разведку засланы. Иди к ним. Я усадила их в горнице.

Не раздумывая, я смахнула с лица следы слез, поправила платок на голове и расправила складки на платье. Собрав всю волю в кулак, я вошла в горницу.

Их было трое. Они уже расположились на резной лавке, отпивая из принесенных Заремой кружек, и их взгляды — тяжелые, изучающие — уставились на меня, впитывая каждую деталь.

– Доброго утра, гости, – сказала я, заставляя голос звучать ровно.

Старший из них, широкоплечий мужчина с проседью в бороде, отставил кружку.

– Боярыня Ольга. А что это у вас сегодня в доме приключилось?

– Приключилось? – я сделала удивленные глаза и плавно опустилась в кресло напротив, спрятав дрожащие руки в складках платья. – Много чего за день приключается в большом хозяйстве.

– Да вот, поговаривают, будто твой муж с девицей какой-то сбежал, – бросил он, не сводя с меня глаз.

– Нет, такого быть не может, – я мягко улыбнулась, изображая легкое недоумение. – Все перепутали, вы же понимаете. Люди деревенские, сплетни любят, а ветер их разносит быстрее пожара.

– Но его самого видели...

– Он уехал по срочному делу — договариваться о новых торговых путях. Не хотел оглашать, пока дело не уладится, – продолжила я, стараясь, чтобы голос звучал убедительно.

– Твой муж уехал сейчас, когда завтра сам князь с проверкой нагрянет? И кто его встречать будет?

– Я приму князя, – выдохнула я.

– Ты? – в его голосе прозвучало откровенное неверие.

– Да. Вы же знаете, я всегда присутствовала на всех встречах мужа с купцами и послами. Ведение хозяйства мне не в новинку. Проблем не будет.

– А с кем же он уехал-то? С Малушей, служанкой. Так нам донесли.

– Да, уехал, – согласилась я, вспомнив старую поговорку: лучшее вранье — то, что сдобрено правдой. – Малуша горевала по своей родной деревне. Те, кто выжил после мора, стали возвращаться, отстраиваться. Она просила отпустить ее к своим. Я и позволила. Вы же понимаете, тянет человека на родную землю. Там и помощь лишняя, да и душа на месте.

– Так ты говоришь, ничего у вас не произошло?

– Нет, абсолютно ничего, – ответила я, глядя ему прямо в глаза.

Послуживцы хмуро переглянулись, что-то негромко обсудили и, кивнув на прощание, вышли из горницы. Как только дверь за ними закрылась, из сеней появилась Зарема.

– А складно врешь, боярыня, – тихо сказала она, и в ее глазах читалось одобрение. – Складисто.

– У меня от этого вранья изжога подступила, – прошептала я, привставая и прижимая ладонь к желудку, где действительно сосала тревога. – Сердце колотится, и тошнит.

– И все это — во благо. Ради детей.

– Завтра приедет князь. Его люди придут за долгом. И что я им скажу? – голос мой снова дрогнул. – У меня же нет этих денег. Ни единой монеты.

– Теперь это твоя ноша, Ольга. Решения принимать тебе.

– Зарема, иди к детям, успокой их. А я... я пройду в покои к мужу. Надо разобрать его бумаги, сундуки. Может, хоть какая-то зацепка найдется.

Глава 4

Я зашла в комнату мужа, и меня охватило чувство, будто я вторгаюсь в чужое логово. Здесь стоял массивный дубовый диван, заставленный подушками, книжные шкафы с пыльными фолиантами и письменный стол, заваленный свитками.

Но главное — весь пол был усеян стопками бумаг, карт и разрозненных книг. Мирослав никого не допускал сюда, даже для уборки, и теперь эта тайная крепость открыла мне свои неприглядные секреты.

Собрав волю в кулак, я принялась за работу. Первым делом нужно было навести порядок, рассортировать документы и попытаться понять истинные масштабы катастрофы. Пыль щекотала нос и садилась на платье, но я уже не обращала на это внимания.

Уже спустя час я откопала первую пачку расписок. Холодея внутри, я читала их одну за другой. Оказалось, Мирослав был должен не только князю, но и нескольким ростовщикам из соседних городов. А еще — он брал в долг зерно и корм для скота у местных горожан. Я аккуратно откладывала все долговые обязательства в отдельную стопку, и она росла на глазах.

Спустя еще пару часов в дверь постучала Зарема. Она вошла с подносом, на котором дымился глиняный чайник и лежали душистые, еще теплые пирожки.

— Тебе нужно подкрепиться, — твердо сказала она. — Ты, наверное, совсем выбилась из сил.

Я сидела прямо на прохладном полу, обложенная бумагами.

— Я не представляю, как во всем этом разобраться, — призналась я, сгорбившись. — Это какой-то кошмар. Я даже начинаю понимать, почему он сбежал. Бросить все это на мои плечи... Как дети?

— Все в порядке. Спрашивали, где отец. Я сказала, что он уехал по делам на несколько дней. Они, конечно, расстроились, что он не попрощался. Но ничего, справятся. Они сильные.

— Не знаю, как они справятся, если я сама не понимаю, что происходит.

Зарема, покачивая головой, удалилась, а я снова погрузилась в бумаги. Спустя время мне удалось отыскать и другую сторону медали — несколько долговых расписок, которые давали самому Мирославу.

Оказалось, он вел дела из рук вон плохо. Я, конечно, помогала ему с некоторыми вопросами и знала, что наше положение шаткое, но не думала, что оно настолько отчаянное.

Среди этих бумаг мне попались расписки на небольшие суммы. Конечно, этого было каплей в море, но любая капля сейчас была на счету.

Я внимательно перечитала каждую, подсчитала общую сумму. Этого было мало. Князю и ростовщикам — лишь малая часть. Да и не факт, что эти долги, некоторым из которых было не один год, удастся вообще вернуть. Но попытаться стоило.

Я отложила их в сторону и позвала Зарему. Как только она заглянула в комнату, я сказала:

— Скажи Алексею, пусть осадит для меня самую смирную лошадь. Нужно съездить по делам.

— Куда ты собралась в такую пору? — нахмурилась нянька.

— Долги собирать. Может, и не получится, но сидеть сложа руки я не могу.

Алексей, худощавый паренек, лишь немногим старше моего Ратибора, быстро подготовил лошадь. Спустившись к конюшне, я уже собиралась в путь, но он решительно заявил, что поедет со мной. Я не знала, чем мог помочь этот юнец, но в его глазах читалась такая преданность и готовность, что я не стала отказываться.

Первой нашей целью стала вдова Анжея. Ее муж был зажиточным ремесленником, но после его смерти дела у нее, судя по всему, пошли под уклон — во всяком случае, так я думала, пока мы не подъехали к ее усадьбе. Вместо ожидаемого старенького домика я увидела крепкий, ухоженный дом под новой тесовой крышей. Это меня насторожило.

Едва я слезла с лошади, на крыльце появилась сама Анжея, вся — в улыбках и приветствиях.

— Боярыня Ольга! Какими судьбами? Как я рада вас видеть! Сейчас Палашке прикажу самовар поставить, да чего-нибудь вкусенького приготовить!

— Нет, спасибо, Анжея, — остановила я ее, без лишних церемоний доставая из кармана расписки. — Я к вам по делу. Разбираюсь с бумагами мужа и обнаружила вот это.

Она взяла расписки, и на ее лице промелькнуло неподдельное удивление.

Батюшки, да я же все вернула Мирославу! — воскликнула она, хлопая себя по щекам. — Ой, какое несчастье, должно быть, забыл отметить! Пойдемте, пойдемте скорее в дом, все обсудим.

Спустя полчаса мы уже сидели за столом, уставленным душистыми булочками и медовым печеньем. Анжея лила слезы, рассказывая о своей тяжелой вдовой доле. Я кивала, делая вид, что сочувствую, но мягко, но настойчиво возвращала разговор к долгу. В итоге, с огромной неохотой, она выплатила половину суммы, а остальное пообещала отдать через неделю. Я предупредила, что за деньгами заедет Алексей.

Когда мы с Алексеем возвращались домой, солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая небо в багряные тона. Я понимала, что объехать всех должников одной мне будет не под силу — нужно поручить это кому-то. Но даже собрав все эти мизерные суммы, мы вряд ли смогли бы спастись от главных кредиторов.

Вернувшись домой, уложив детей и убедившись, что они спят, я снова вернулась в кабинет. При свете масляной лампы я еще раз перебрала все бумаги.

Становилось очевидно, что Мирослав был не только беспечен, но и попросту неумён в ведении хозяйства. Тогда я достала новую, толстую книгу и принялась аккуратно вносить в нее все долги — и наши, и чужие.

К утру, когда в дверь снова постучала Зарема, я все так же сидела на полу, окруженная бумагами. Рядом со мной лежал небольшой, но уже ощутимый мешочек с деньгами — туда я сложила то, что нашла в потайном ящике стола мужа, свои скромные сбережения и полученное от Анжеи.

— Люди князя скоро будут, — тихо напомнила Зарема.

— Да, я знаю. Алексей уже поднялся?

— Только что.

— Позови его ко мне. Дам ему список, пусть начинает объезжать должников. А потом... потом будем готовиться к встрече. Придется просить отсрочку или искать другой способ договориться.

Глава 5

Когда Алексей зашел в кабинет, я уже сидела за массивным дубовым столом, пытаюсь придать себе вид собранности. Комната, хоть и не идеальная, уже не напоминала поле после битвы. Часть документов была аккуратно разложена по стопкам, несколько книг вернулись на полки, и от двери до стола теперь можно было пройти, не рискуя споткнуться.

— Вы выглядите уставшей, боярыня Ольга, — почти с упрёком сказал Алексей. — Доброе утро.

— И тебе доброе, — ответила я, чувствуя, как тяжесть бессонной ночи давит на виски. — Леша, у меня к тебе срочные поручения. — Я протянула ему пять плотных конвертов. — Внутри письма, подписанные боярином Мирославом.

Алексей поймал мой взгляд и коротко кивнул. Он был не глуп и понимал, что Мирослав явно не прикладывал руку к этим посланиям. Вдаваться в подробности я не стала. Умение искусно подделывать его росчерк и то, что он оставил в столе свою личную печать, сейчас были моим главным оружием.

— Передай эти письма адресатам. Убедись, что каждый получил его лично в руки. Скажи, что распоряжение от самого боярина. Я требую их срочной явки ко мне для разговора о долгах.

— Это мудрое решение, боярыня, — одобрил Алексей. — Пусть сами к вам идут, а не вы по ним скачете.

— Да, — я с тоской взглянула на длинный список имен на столе. — Нужно составить еще с десятков таких же. На один только подсчет уходит уйма времени.

— Я бы мог и с этим помочь, — предложил он, и в его глазах читалась искренняя готовность.

— Хорошо, сначала выполни это поручение, а потом я объясню, что делать дальше.

Алексей стремительно скрылся за дверью, а я, собрав остатки сил, поднялась в свою горницу. Смыла с лица следы усталости, переделалась в темно-синее парадное платье с серебряной вышивкой — оно должно было внушать если не уважение, то хотя бы почтение.

Ненадолго зашла к детям, пытаюсь ответить на их бесконечные вопросы, от которых в иной момент могла бы растаять, а сейчас они лишь отзывались тяжким грузом на сердце.

На пороге, словно из-под земли, выросла Зарема.

— Люди князя уже на въезде в село. Будут у нас с минуты на минуту.

— Хорошо, Зарема, накрывай стол в большой горнице. А я схожу за документами.

— Удалось что-нибудь подготовить? — в ее голосе сквозил слабый луч надежды.

— Решила несколько мелких вопросов, но это капля в море. Придется просить отсрочку. Как минимум, месяца на два, а то и три. Раньше я ничего не успею.

Я направилась в гостиную, а Зарема, шурша юбками, засемила следом.

— Еще одна напасть приключилась, — тихо сказала она.

— Какая? — я резко обернулась, чувствуя, как по спине пробежали мурашки.

— Проверили амбары с зерном для посева. Мешков не хватает. Почти половину нашего урожая как сквозь землю провалилось.

У меня похолодело внутри.

— Как это не хватает?!

Она лишь развела руками, и на ее лице отразилось знакомое выражение — беспомощность перед всеобщим молчанием.

— Никто не знает. Как водится, никто ничего не видел.

Я на мгновение прикрыла глаза, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Еще один удар, и такой сокрушительный.

— Только этого мне не хватало! Ладно, разберусь с этим позже. Готовь всё к приему гостей, я с ними поговорю, а потом... Потом будем думать.

Следующий час прошел в лихорадочной суете. Зарема и служанки накрывали стол, а я, разрываясь между ними и детьми, которые снова требовали внимания, едва успевала соображать, что к чему.

Я не представляла, как смогу совместить все это — переговоры с княжескими людьми, поиск пропавшего зерна и управление имением, которое, казалось, разваливалось на глазах.

И когда уже казалось, что стол накрыт и можно перевести дух перед решающей встречей, с улицы донесся оглушительный шум — крики и топот. Я бросилась к крыльцу.

На ступенях, запыхавшийся и бледный, стоял Петр, один из ключников, отвечавший за скотный двор.

— Боярыня, горе! Беда у нас приключилась! — выпалил он, заламывая руки.

— Что такое? Говори толком!

— Скотина... вся заболела! Не пойму, с чего бы. Еще утром все было в порядке, а теперь... лежат, не встают!

В этот миг до меня донесся знакомый цокот копыт. Я повернула голову и увидела, как к усадьбе по главной дороге торжественно и не спеша движется группа всадников в княжеских цветах. Они были уже здесь.

— Хорошо, Петр, — сказала я, и голос мой прозвучал удивительно спокойно, учитывая, что внутри все кричало от ужаса. — Сейчас я приму гостей. А к тебе приду сразу после. Иди, делай что можешь.

Глава 6

Мы разместились в просторной горнице. Мужчины явно были удивлены, что их встречаю я одна, без Мирослава. Но едва мы уселись за стол, а Зарема разлила душистый чай и расставила закуски, я, не дожидаясь вопросов, взяла инициативу в свои руки.

— Мой муж был вынужден срочно отбыть по делам, — начала я, следя за их реакцией. — Речь идет о заключении крайне важного контракта на новых торговых путях. К сожалению, предупредить он не смог, а все текущие дела передал в мои руки.

— Боярыня Ольга, мы питаем к вам глубочайшее уважение, — сказал один из людей князя, Елисей, чей взгляд был холоден и проницателен. — Но вы сами понимаете, вопросы долгов — сугубо мужские. Их и решать должны мужчины.

— Я прекрасно понимаю вашу позицию, — кивнула я, сохраняя спокойствие. — Но так уж сложилось, что сейчас за все отвечаю я. — Я подала знак Зареме, и та принесла толстую книгу, которую я заполняла всю ночь. Раскрыв ее на нужной странице, я начала четко зачитывать суммы и даты наших обязательств перед князем. — К сожалению, у самого Мирослава есть должники. Я еще не успела собрать все причитающиеся нам суммы, но уже сегодня ожидаю поступления первых выплат. Я знаю, что наши проблемы не должны вас волновать, но все же осмелюсь просить у вас отсрочки.

— Мирослав уже исчерпал все возможные отсрочки, — сухо парировал другой посланец, Федор.

— Я в курсе, — не сдавалась я. — Но на этот раз прошу я.

— Так вот для чего он подставил женщину! — с притворным смехом воскликнул Елисей. — Спрятался за юбкой, чтобы самому не отвечать по счетам?

В горле встал ком, но я сделала глоток чая, чтобы скрыть дрожь в руках. Сказать им правду — значит в мгновение ока лишиться всего. Мне и детям в лучшем случае оставят лачугу на отшибе.

Нужно было играть свою роль до конца.

— Дайте мне хотя бы неделю, и я покрою четверть долга, — предложила я, переходя к заранее обдуманному плану. — Для полного расчета мне потребуется еще время. У нас, к сожалению, нежданные трудности — сегодня узнала, что пал скот, да и с посевным зерном проблемы.

— Нам надоели ваши оправдания, — голос Елисея стал жестким. — Мирослав занимал крупные суммы, годами не платил налоги, отделяваясь пустыми обещаниями.

— У нас есть кое-какие перспективы, — продолжила я, заставляя голос звучать уверенно. — В ближайшее время может поступить весьма значительный доход. И я готова официально обязаться: если вы предоставите мне отсрочку на три месяца, я выплачу сверх основной суммы дополнительно десять процентов от этого дохода.

— Десять процентов? — мужчины переглянулись, и в их глазах вспыхнул деловой интерес. — Речь идет о тех самых новых торговых путях?

— Пока я не могу раскрыть всех деталей, — таинственно ответила я, разжигая их любопытство.

— Двадцать процентов, — резко заявил Елисей.

— Двадцать — это неподъемно, — покачала я головой, разыгрывая торг. — Вы же не забываете о налогах и расходах. Могу предложить пятнадцать.

— А о какой сумме дохода идет речь? — поинтересовался Федор.

Внутри все сжалось. Никакого «дохода» у меня не было — лишь отчаянная идея, родившаяся за ночь. Просматривая бумаги мужа, я нашла письма от местных ремесленников. Они

просили вложений в свои мастерские, но Мирослав им отказал. Моя ставка была в том, чтобы, собрав мелкие долги, выбрать самых перспективных из них и вложить деньги в их дело в обмен на долю в прибыли. Риск колоссальный, но иного выхода не было.

Я назвала сумму, примерно равную нашему общему долгу. У мужчин округлились глаза.

— Боярыня Ольга, это... весьма амбициозно, — медленно произнес Елисей, и в его голосе впервые прозвучало уважение. — Что ж, мы можем пойти вам навстречу...

— Давайте составим документ, — немедленно предложила я, доставая из книги чистый лист и обмакивая перо в чернильницу. — Если вы, конечно, согласны.

Мы обсудили детали, и вскоре соглашение было подписано. Когда посланцы князя удалились, в горницу влетела Зарема, ее лицо было бледным от ужаса.

— Боярыня, что же ты наделала? Ты ввергла нас в еще большие долги!

— А что оставалось делать? — с горькой усмешкой спросила я, чувствуя, как дрожь наконец пробивается наружу. — Теперь у нас есть три месяца. И есть небольшой старт. Я очень надеюсь, что Алексей справится с поручением, и к концу недели у нас появятся хоть какие-то деньги.

Зарема покачала головой, но в ее глазах читалась не столько паника, сколько трепет.

— Ты молодец, Ольга. Я тебе верю. Но молю богов, чтобы ты не ошибалась в своих расчетах.

Глава 7

Алексей вернулся только к обеду, запыленный и усталый. Не дав ему и глотка воды сделать, я усадила его за стол в кабинете и принялась диктовать новые указания.

Ему предстояло кропотливое дело: сверить все долги с имеющимися расписками, пересчитать итоговые суммы, а затем составить на их основе новые, грозные письма-требования.

Позже я подпишу их и поставлю печать, а ему снова придется оседлать коня и развезти их по всем должникам.

Расстроив Алексея этой новостью, я сама ринулась на скотный двор к Петру. Воздух в хлеву был густым и тяжелым, пахнувшим болезнью. Несколько лошадей стояли понуро, опустив головы, а овцы лежали на подстилке, тяжело дыша.

— Со всеми животными так? — тихо спросила я, подходя и проводя ладонью по боку коровы. Шерсть была взъерошена и лишена привычного блеска.

— Да, боярыня, будто мор прошелся, — сокрушенно вздохнул Петр. — Все разом, сегодня с утра. Ни есть, ни пить не желают. Молока ни капли не дали. И хоть бы кто-то чихнул перед этим — все были здоровы!

— Ты вызывал лекаря?

— Вызывал. Обещал быть к вечеру.

Я велела Петру немедля известить меня, как только лекарь что-то скажет, и побежала дальше — в амбары, где хранилось зерно. Двери были целы, замки не взломаны. Но ряды мешков выглядели жалко и сиротливо — их было ровно вдвое меньше, чем должно было быть.

Работники, встретившие меня, отводили глаза, стоило мне попытаться поймать их взгляд. То ли боялись сказать лишнее, то ли просто стеснялись моего внезапного появления без мужа. На все робкие вопросы о Мирославе я, не моргнув глазом, отвечала заученную фразу о срочной поездке.

Возвращаясь к дому, я снова столкнулась с Петром, и по его лицу все было ясно.

— Лекарь был, — доложил он, разводя руками в бессилии.

— И что сказал?

— Покапал им трав, сказал, будем ждать. Но ничего не обещает.

От безысходности я лишь покачала головой. Зерно исчезает, скот мрет, долги душат. Кажется, сама судьба ополчилась на нас.

— Ладно, Петр, держи меня в курсе. Сделай все, что можешь. А мне надо... — я не договорила, махнув рукой, и бросилась к дому, чувствуя, как земля горит у меня под ногами.

Едва я переступила порог, как из сеней появилась Зарема.

— У вас гости, боярыня, — тихо сообщила она, кивнув в сторону горницы.

Я заглянула внутрь. За столом сидели две женщины, и я сразу узнала в них своих должниц. Интересно, куда же подевались их мужья, что пришлось им самим являться?

— Боярыня Ольга, как же я рада вас видеть! — с слащавой улыбкой воскликнула Ярина.

— Добрый день, боярыня Ольга, — скромнее поздоровалась Зарина.

Я подошла к столу, взяла свою кружку и сделала глоток горячего чая. И с удивлением поняла, что это первая еда, коснувшаяся моего желудка с самого утра.

Женщины почти сразу перешли к цели визита, начав наперебой просить отсрочку. Но на этот раз я была непреклонна.

— Я так понимаю, письма от Мирослава вы получили, — начала я, и мой голос прозвучал холодно и четко. — Ярина, твой долг висит уже второй год. Даю тебе два дня на выплату. Зарина, твой — полгода. Пять дней.

Женщины переглянулись, и на их лицах появились недовольные гримасы. Ярина первая вскочила с места.

— А верны ли слухи, что ваш муж сбежал? — язвительно бросила она, сверкнув глазами.

— С чего вы взяли? — спросила я с абсолютно невозмутимым видом, хотя внутри все сжалось.

— По деревне слухи ходят, — вступила Зарина, но уже без уверенности.

— По деревне еще слухи ходят, что вы, Ярина, будучи замужней женщиной, ночи проводите аж с двумя молодыми любовниками, — парировала я, глядя на первую должницу прямо в глаза.

— Это вранье! Чистейшее вранье! — вспыхнула та.

— Ну, раз врут, давайте вернемся к нашим делам.

— Ладно, — Ярина сердито поправила платок. — Я пришлю к вам своего мальчишка сегодня вечером, он принесет деньги.

Она направилась к двери, но на пороге остановилась и обернулась, бросив последний камень:

— А когда боярин Мирослав вернется-то?

— Не скоро, — коротко ответила я, не меняясь в лице.

Как только дверь за ней закрылась, я перевела взгляд на Зарину. Та, оставшись наедине, вся как-то сжалась. Она наклонилась ко мне через стол и прошептала так тихо, что я едва разобрала слова:

— Скажите мне по правде, боярыня... Он ведь сбежал? Это правда?

Глава 8

— С чего вы взяли подобное? — мои пальцы непроизвольно сжали край стола. — Я считаю, что уже ответила на этот вопрос. Никто никуда не сбежал.

— Я просто подумала, что мы можем договориться... как женщина с женщиной, — голос Зарины стал заискивающим и мягким.

— К сожалению, в данный момент я не могу предоставить никаких отсрочек, — парировала я, хотя мысленно уже просчитывала возможную выгоду от этого разговора.

— Проблемы были, сами понимаете... Времена нынче очень сложные, — вздохнула она, играя с бахромой своего платка.

— Для всех нас времена сложные, — сухо заметила я.

— Но мы же должны друг друга поддерживать, верно? — она посмотрела на меня с надеждой. — Дайте мне отсрочку хоть на недельку.

— Нет. Никаких отсрочек. Я жду возврата долга в оговоренный срок.

Тогда Зарина придвинулась ближе, заняв самый край стула, и наклонилась ко мне так, что наши головы почти соприкоснулись. Ее голос упал до конспиративного шепота.

— Боярыня Ольга, а если... если я предложу вам не деньги, а кое-что ценное? Какую-нибудь информацию? Могла бы вы тогда сдвинуть сроки?

Я медленно откинулась на спинку кресла, скрестив руки на груди, и внимательно, почти безжалостно, уставилась на нее.

— Все зависит от того, насколько ценна эта информация.

Зарина снова оглянулась, словно боясь, что из-за печки кто-то подслушивает, и прошептала еще тише:

— До меня дошли слухи... что кузнец — не новый, а старый, Семен. Это он похитил зерно со склада, что для посева берегли.

Я прищурилась, впиваясь в нее взглядом, пытаюсь разглядеть ложь.

— А доказательства у тебя есть? Или это просто слухи, которые ты решила в свою пользу обернуть?

— Сегодня ночью, — женщина сделала паузу для драматизма, — они будут вывозить его из города по северной дороге. Мой шурин видел, как они грузили мешки на телегу в овраге.

Я замерла, оценивая вес этого известия. Зерно — это жизнь. Это будущий урожай и спасение от голода.

— Хорошо, Зарина. Я проверю твою информацию. Завтра утром дам тебе знать. Если не солгала... Продлю твой срок на неделю. На десять дней, если зерно верну.

Лицо Зарины озарила торжествующая улыбка. Она поднялась, отряхнула складки своей поневы и, уже направляясь к выходу, бросила через плечо:

— А знаете, я даже рада, что вашего боярыня здесь нет. Без него тут... спокойнее как-то. Я промолчала, не желая поддерживать эту тему, но она на пороге добавила:

— Возможно, я еще не раз смогу вам помочь. Но, как говорится, услуга за услугу. Свяжитесь со мной завтра, как зерно вернете.

С этими словами она скрылась за дверью, оставив меня в раздумьях. Почему она так внезапно пошла на сделку? Что стоит за ее готовностью помочь? Простая выгода или что-то большее?

Размышлениям не было времени. Едва дверь закрылась, я резко встала и позвала Алексея.

— Найди мне пятерых крепких парней. Тех, кому можно доверять с закрытыми глазами. Пусть оседлают самых быстрых лошадей и ждут меня у конюшни сразу после заката. Что делать дальше — расскажу я сама.

Глава 9

— Боярыня, вам не стоит этого делать, — в голосе Заремы слышались отчаяние и упрек, пока я собиралась в дорогу. — Это же опасно! Не женское это дело — в ночные засады ходить!

— Я должна всё проверить сама, — отрезала я, продолжая готовиться. — Теперь это моя участь. Если уж мне выпало заменять Мирослава, то придется вникать во все вопросы, даже самые темные.

— Алексей справится и без вас! Возьмет ребят — и сами всё уладят. Это мужские дела!

— Зарема, — я обернулась к ней, — выбивать долги и вести переговоры с людьми князя — это тоже «мужские дела». Но они теперь на моих плечах. Дети спят?

— Да, спят, я их уложила, — вздохнула она, понимая, что не переубедит меня.

— Отлично.

Я принялась рыться в гардеробе, но среди моих вещей были лишь платья и парадные сарафаны — ничто не подходило для верховой езды и ночной засады.

В отчаянии я открыла старый сундук Мирослава и достала оттуда его поношенные штаны из грубой ткани. Они были ему малы, а на мне, особенно если туго подпоясаться, сидели вполне сносно.

— В брюках? Да вы с ума сошли! — Зарема в ужасе приложила ладони к щекам. — Боярыня в мужских портках... куда же это годится!

— Так будет удобнее и безопаснее, — коротко объяснила я, натягивая штаны и заправляя в них подол рубахи.

Я собрала волосы в тугую косу и обвила ее вокруг головы, закалывая шпильками, чтобы ничего не мешало. Сверху накинула темный, без украшений, кафтан с глубоким капюшоном.

— Готово. Следи за детьми.

— Да, конечно, я прослежу, — пробормотала она, все еще не в силах прийти в себя.

Я быстрыми шагами спустилась по лестнице, а Зарема, бормоча что-то под нос и охая, проводила меня до двери, словно на похороны.

В конюшне меня уже ждали шестеро парней во главе с Алексеем. Я знала в лицо всех — кто-то служил в дружине отца, кто-то вырос на наших землях. Они не проронили ни слова при виде моей непривычной одежды — ни удивления, ни насмешки в их глазах я не увидела, лишь молчаливое уважение и готовность. Я легко вскочила в седло, почувствовав непривычную свободу движений.

— В путь, — скомандовала я, и наш маленький отряд тронулся в ночь.

По дороге я вкратце объяснила ситуацию. Алексей, прищпорив коня, поравнялся со мной.

— Боярыня, может, вам все же лучше держаться позади? Или вовсе вернуться? Мы сами справимся.

— Нет, Алексей, — твердо ответила я. — Если я хочу заменить Мирослава, то должна показать и вам, и всем остальным, на что способна. Я не боюсь опасности. Иначе никто и никогда не станет воспринимать меня всерьез.

Мы доехали до развилки на северной дороге, замедлили ход, спешили и привязали лошадей в густой поросли ольшаника. Дальше предстояло идти пешком. Мы залегли в придорожных кустах, в сырой, пахнущей прелыми листьями темноте.

Время тянулось мучительно медленно. Я следила, как луна поднимается все выше, и понимала, что уже близится полночь. Внутри все сжималось от тревожного ожидания.

Где-то в глубине души я почти надеялась, что Зарина солгала, что эта ночь пройдет впустую. Но другая, более сильная часть меня, жаждала вернуть свое зерно — не только ради семьи, но и ради всех, кто зависит от этого урожая. Если не я, то кто же за них вступится?

И вот, спустя еще несколько томительных минут, вдалеке послышался скрип колес. Из ночного мрака медленно выплыли три тяжело груженные повозки, едва заметные в лунном свете.

Глава 10

— Зарина не соврала, — тихо выдохнула я, наблюдая из укрытия за груженными повозками.

Один из мужчин, коренастый и бывалый, наклонился ко мне.

— План такой: мы с Алексеем перекрываем дорогу спереди. Вы с остальными заходите сзади, чтобы отрезать путь к отступлению. Хватаем и скручиваем. А вы, боярыня, ждите тут. Когда будет безопасно, позовем.

Я кивнула, не видя смысла спорить. В рукопашной я была бесполезна и могла лишь мешать.

Из своего укрытия я наблюдала, как тени мужчин бесшумно скользят в лунном свете. Все заняло несколько мгновений: приглушенные крики, скрип тормозящих повозок, и вот уже трое мужиков сидят на земле у телеги, с скрученными за спиной руками. Алексей махнул мне рукой.

— Боярыня?! — ахнул один из связанных, увидев меня. В его голосе был неподдельный ужас.

— Не ожидали? — холодно спросила я, подходя ближе. Он опустил голову. — Значит, вы решили, что слухи о бегстве боярина Мирослава — правда. И посчитали, что можно безнаказанно обокрасть свою же общину? Оставить своих же соседей без урожая, обречь их детей на голод? Я правильно понимаю?

— Нет, но... — мужчина безнадежно мотнул головой, не в силах поднять на меня глаза. В разговор вступил второй, с наглым, ожесточенным взглядом.

— Нынче каждый сам за себя выживает!

— Не знаю, как вы, а я — за свой народ, — мой голос прозвучал резко и властно, заставляя его съежиться. — И я буду защищать своих детей и свою землю. И запомните раз и навсегда: Мирослав никуда не сбежал и скоро вернется.

— Куда их, боярыня? — спросил Алексей, сжимая в руке дубинку.

— В темницу. Утром разберемся со всеми по закону.

Мужчины кивнули, и я, не оглядываясь, ушла. Подошла к своей лошади, легко вскочила в седло и поскакала прочь, оставив за спиной краденое зерно и униженных воров.

По дороге в голове строились планы. Нужно съездить к Зарине, поблагодарить и... втереться в доверие. Мы никогда не были подругами, но я знала — она всегда в курсе всех сплетен и подковерных течений в нашей округе.

С ее помощью можно не только узнавать новости, но и самой распускать нужные слухи. Если люди почувствуют слабинку и начнут самовольничать, нас всех ждет крах. В тяжелые времена нужно не разобщаться, а спланиваться.

Вернувшись в дом, я застала Зарему дремлющей в кресле у камина. Я коротко рассказала ей о случившемся и тут же отправилась спать. Сна выпало немного, всего несколько часов. Проснувшись, я поцеловала спящих детей, проглотила завтрак, привела себя в порядок и отправилась к Зарине.

Она, казалось, ждала меня. Я застала ее во дворе, сидящей за простым деревянным столом, на котором дымился самовар, а служанки подносили свежие, румяные пироги. Конюх тут же принял мою лошадь, а я направилась к хозяйке.

— Ты не соврала, — заявила я без предисловий, опускаясь на стул напротив.

— А зачем мне врать, боярыня? — Зарина улыбку, и в ее улыбке была хитринка. — Я же хотела помочь. Понимаю, чем всем нам грозит потеря того зерна.

— Ты говорила, что можешь помочь еще кое с чем.

Зарина налила мне чаю в фаянсовую чашку и отрезала большой кусок пирога.

— Угощайтесь. Думаю, у нас с вами будет долгий и... интересный разговор.

— Давай, — согласилась я, отпивая горячий чай.

— Я хочу развестись, — неожиданно выпалила Зарина, глядя на меня прямо.

— Развестись? — я едва не поперхнулась.

— Ты знаешь, что расторгнуть брак может только указ боярина. Иначе мне прямая дорога в монастырь, если муж того пожелает. Мы... можем как-то это устроить?

— Мне нужно подумать, — осторожно ответила я, понимая, что плохо разбираюсь в этих тонкостях. Нужно будет изучить законы, посоветоваться. — А что ты предложишь взамен?

— А взамен я расскажу, что бунт у вас назревает, — ее голос стал тише и значительнее. — Слухи — слухами, но многие в них верят. И не просто верят — некоторые уже говорят, что видели Мирослава в соседнем городе с молодой девицей. Так что вам не удастся просто говорить, что все хорошо. Но я могу помочь... направить эти разговоры в нужное русло, придумать, как заставить людей вам верить. Услуга за услугу.

— Да, — кивнула я, чувствуя, как почва уходит из-под ног.

— Если ты поможешь мне с разводом, я помогу в ответ.

— Я хочу, чтобы ты понимала, Зарина, — я посмотрела ей прямо в глаза, — я готова помочь тебе. Но не потому, что ты меня шантажируешь, а чисто по-женски.

— Я ни в коем случае не шантажирую! — она приложила руку к груди с видом оскорбленной невинности. — Я прошу о помощи. Как женщина у женщины.

— То, что сейчас происходит, важно для всех, — сказала я. — Если начнется бунт, пострадаем все. И ты в том числе.

— Я это прекрасно понимаю, потому и рассказываю все, что знаю.

— Но все равно просишь услугу в ответ.

— Я не требую, боярыня. Я надеюсь, — она снова подлила мне чаю, и ее жест был полон скрытого смысла. — Так мы сможем договориться?

Глава 11

Я вернулась в усадьбу только к полудню, чувствуя себя выжатой, как тряпка. Приказав Зареме принести обед прямо в кабинет, я заперлась в нем, отгородившись от всего мира тяжелой дубовой дверью.

Такой ритм жизни был для меня в новинку и давался с трудом. Обычно мое утро принадлежало детям: совместный завтрак, уроки, прогулки. Потом бразды правления переходили к Зареме, а я занималась хозяйством — распоряжениями по дому, кладовыми, приемом управителей.

Да, я помогала Мирославу, но эпизодически, вникая в отдельные вопросы. Теперь же на мои плечи свалилась вся неподъемная гора мужских забот.

Оставшись наедине с тишиной, нарушаемой лишь потрескиванием поленьев в камине, я снова принялась листать кипы документов, выискивая хоть какую-то возможность раздобыть денег.

В сторону я отложила несколько писем от местных ремесленников — их мольбы о помощи теперь звучали в моих ушах иначе, не как просьбы, а как потенциальные возможности.

К этому времени вернулся Алексей. Его лицо, испачканное дорожной пылью, светилось удовлетворением.

— Зерно вернули в амбары, боярыня. Поставил усиленную охрану — своих ребят, проверенных. И по долгам кое-что собрал. — Он протянул мне небольшой, но увесистый кожаный мешочек. — Увы, не все смогли сразу найти нужную сумму.

Я взяла деньги с благодарным кивком и спрятала их в потайной ящик стола. Каждая монета была на счету. От безысходности в голову начали лезть крамольные мысли: продать часть мебели, фамильное серебро...

Но украшения, которые могли бы выручить хоть что-то, упырь Мирослав прихватил с собой. Я с силой тряхнула головой, отгоняя эти мысли. Сдаваться еще рано. Нужно не избавляться от последнего, а создавать что-то новое.

Решив действовать, я, едва дождавшись вечера, велела оседлать коня и позвала Алексея. Мы отправились к первому из ремесленников, чье письмо я отложила.

Его «цех» оказался полуразрушенной избой с покосившимися ставнями и дырявой крышей. Пахло сырой глиной и безнадежностью. Едва мы спешили, из соседней хаты вышел сгорбленный мужчина с руками, испещренными шрамами и мозолями. Увидев меня, он смущенно снял шапку, и в его глазах читалось неподдельное изумление.

— Боярыня Ольга... Вот не думал, не гадал, что вас увижу, — просипел он хриплым голосом.

— Добрый вечер, — кивнула я, доставая из складок платья его помятое письмо. — Я нашла ваше прошение у мужа. Хотела бы обсудить его. У вас найдется для меня время?

— Для вас время всегда найдется, боярыня, — он засуетился. — Прошу...

— Может, пройдем в мастерскую? — предложила я.

— Да она уж... почти что не работает, — вздохнул он, но подошел к покосившейся двери, с силой дернул ее на себя, снял ржавый замок, и дверь с жалобным скрипом отворилась.

Внутри царил запустение. На полках пылились готовые, но никому не нужные горшки и миски, станок стоял безмолвный.

— Писал я боярину еще годик назад, просил помощи, — начал он, обводя рукой свое разоренное хозяйство. — Времена нынче... Сами видите. С тех пор, как на рынке появилась дешевая привозная посуда, моя перестала покупаться. А вложиться, чтобы сделать дешевле, — не на что. Вот и перебиваюсь с хлеба на квас, работаю за еду для соседей.

— То есть выходит, что везти посуду из-за гор выгоднее, чем покупать у вас? — уточнила я.

— Выходит так, боярыня.

— А почему? В чем причина?

— Материал дорогой, — развел он руками. — Сам я глину не добываю — места, где водилась хорошая, боярин закрепил за семьей Архиповых. А они в прошлом году вымерли от лихорадки все до единого. Вот и стоят залежи... Я закупал у перекупщиков, но выходит себестоимость заоблачная. А другие месторождения бедные, глина худая.

— Поняла вас, — кивнула я, в голове уже складывая план. — А если я смогу наладить поставки глины по разумной цене? Сможете снова запустить дело?

Мужчина пожал плечами, но в его глазах блеснула искорка надежды.

— Надо бы подсчитать... Но, боярыня, я всю жизнь только этим и занимался. И сыновей своих научил. Если вы нам руку протянете... мы будем до гроба вас помнить.

Я перевела взгляд на Алексея. Он стоял с нахмуренным лицом, явно что-то зная. Попрощавшись с гончаром, я, едва мы вышли на улицу, тут же спросила:

— Алексей, что у нас с этими глиняными залежами? Почему они простаивают?

— Архиповы померли, наследников не нашлось. Земля числится за усадьбой, но без распорядения хозяина работы остановились. Никто не решался взять на себя ответственность.

— А ты сможешь организовать людей? Чтобы добычу возобновили под мою ответственность?

— Смогу, боярыня, — он уверенно кивнул. — Но людям нужно платить авансом. И инструмент обновить.

— Сколько примерно потребуется?

Мы быстрыми шагами шли к лошадям, обсуждая суммы и детали. Стало ясно, что все деньги, принесенные Алексеем сегодня, придется вложить в это предприятие. Риск был огромен, но иного выхода я не видела.

— Сделай это, Алексей. И как можно быстрее.

Солнце уже касалось вершин дальнего леса, окрашивая небо в багряные тона. Мы вернулись домой в глубоких сумерках. Поужинав в тишине, я снова уселась за стол, заваленный бумагами.

Я перечитывала их, выискивая новые возможности, и по крупицам составляла план действий на следующие дни. Они обещали быть не менее жаркими, но впервые за долгое время я чувствовала не тяжесть, а пульсирующую энергию — я не просто выживала, я начинала бороться за свое будущее.

Глава 12

На следующее утро, едва рассвело, я встретила с Алексеем и группой рабочих у самой реки. Воздух был свеж и влажен, а с воды поднимался легкий туман.

Алексей, показывая на обрывистый глинистый склон, обстоятельно объяснял, как будут вестись работы. Я кивала, стараясь вникнуть в детали, но мысли уже были далеко.

— Хорошо, Алексей, — перебила я его, — ты останешься здесь, проконтролируешь начало работ, а мне нужно в город.

Я направилась в сторону города, чтобы посетить ярмарку. Провизию обычно закупала Зарема, но сегодня мне нужно было другое — увидеть, как живут люди.

Сама ярмарка оказалась печальным зрелищем. Прилавки поражали скудостью: несколько тусклых холстов, грубая глиняная посуда, вялая рыба.

Покупателей было и того меньше — несколько женщин с тощими кошельками, перебирающих товар без особой надежды что-то купить. Упадок. Именно это слово витало в воздухе, смешиваясь с запахом пыли и жареного лука.

Едва я появилась среди рядов, как почувствовала на себе десятки колючих взглядов. Шепотки, будто стая встревоженных воробьев, поползли за мной по пятам. Я старалась держать голову высоко, делая вид, что не замечаю, но внутри все сжималось от непривычного смущения.

И тут одна из женщин, круглая и румяная, с решительным видом окликнула меня:

— Боярыня Ольга!

Ее подруги, стоявшие рядом, испуганно зашикали на нее и потянули за рукав, но та лишь гордо вскинула подбородок.

— Боярыня, это правда, что добычу глины возобновляете?

— Правда, — ответила я, останавливаясь. — Начинаем с помощи нашим гончарам. Надеюсь, это даст толчок и другим ремеслам.

— Это, конечно, дело хорошее, — женщина развела руками, и в ее глазах читалась неподдельная тоска. — Да что остальным-то делать? Мой-то муж без работы второй месяц мается. В соседнюю деревню на заработки подался, детей не видит.

— Я стараюсь решить эту проблему, — сказала я, чувствуя тяжесть ответственности. — Но не так быстро, как хотелось бы.

В разговор вступила вторая, худая, с усталым лицом:

— А моего уже третий месяц не видела. Тоже ушел, говорит, здесь ломаного гроша не заработать.

— А кем он работал? — поинтересовалась я, но женщина не успела ответить.

На площадь вкатилась группа всадников. По их видавшим виды седлам и непривычным, цветастым кафтанам было ясно — чужаки.

Они ловко спешили и принялись неспешно обходить прилавки, что-то прицениваясь и покупая. Их взгляд, опытный и оценивающий, скользнул по нам, и старший из них, широкоплечий мужчина с окладистой бородой, обратился к нам:

— Прекрасные дамы, не подскажете, где тут можно переночевать?

Женщина, заговорившая со мной первой, молча ткнула пальцем в сторону здания с облупившейся голубой крышей.

— Вон там, на постоялом дворе.

Я же, разглядев в них торговцев, почувала, что нельзя было упускать шанс.

— Вы к нам проездом или по торговым делам? — спросила я, делая шаг вперед.

Мужчина обернулся ко мне, и его взгляд стал внимательнее.

— Боярыня Ольга, — представилась я, чувствуя, как от этих слов чуть прибавляется уверенности. — Жена Мирослава, управительница здешних земель.

— А, знаем мы вашего супруга, — он как-то странно, с усмешкой, переглянулся со своими спутниками. — Имели честь...

— Видимо, не с лучшей стороны, — парировала я, жестом приглашая его отойти в сторону, подальше от любопытных ушей. Мы отошли в тень между двумя рядами палаток.

— Да, было дело, — подтвердил торговец, который представился, как Петр Артольский. — Пытались договориться о поставке леса, да не сложилось.

— Возможно, с ним не сложилось, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Со мной, возможно, получится лучше.

Он пожал плечами, но в его взгляде загорелся деловой интерес.

— Мне все равно, с кем торговать. Лишь бы товар был.

— А что именно вы хотели закупить у Мирослава?

— Лес. Строевую ольху, добротную.

Я на мгновение замерла. В бумагах мужа я не встречала ни слова об этой сделке.

— Я об этой сделке не слышала.

— А вы, как его жена, обычно в курсе его дел? — в его голосе прозвучала легкая насмешка.

— Обычно — да. Но об этом он мне не рассказывал. — Я тщетно пыталась вспомнить хоть какую-то зацепку. — Можете назвать причину, по которой сделка сорвалась?

— Договорились о всем, я даже задаток привез. А ваш супруг в последний момент заявил, что не может поставить лес. Мол, возникли непреодолимые обстоятельства. У меня времени выяснять не было — уехал закупаться в другом месте.

— Значит, лес вам все еще нужен?

— Ольха нужна. Качественная и в объеме.

— Дайте мне несколько часов, — попросила я, чувствуя, как в груди загорается азарт. — Я поговорю с людьми, уточню детали. Возможно, мы сможем возобновить поставки.

— Хорошо, — кивнул Петр. — Будем на постоялом дворе. Жду вашего ответа.

Он развернулся и ушел к своим людям. Я же, полная решимости, уже собиралась было назад к усадьбе, как меня снова окликнула та самая женщина, Анна.

— Боярыня Ольга, — она подошла ближе, понизив голос. — Я здесь торгую, и до меня все доходит.

— Что именно? — спросила я, предчувствуя недоброе.

— Ваш боярин действительно людей в лес за ольхой посылал. И было их пятеро. А вернулись... только четверо.

У меня похолодело внутри.

— А пятый?

— А пятый так и сгинул. И те, что вернулись, — перепуганные были до смерти. Говорят, в том лесу... что-то водится. Нечисть какая-то. И слышится, и следы неведомые. Больше никто туда соваться не хочет.

Я поблагодарила ее кивком и пошла прочь, ощущая на спине тяжесть десятков взглядов. Но теперь шепотки за спиной меня не волновали. В голове стучала лишь одна мысль: появился шанс. Рискованный, смертельно опасный, но шанс. И я должна им воспользоваться. Любой ценой.

Глава 13

Я влетела в кабинет и, не снимая верхней одежды, принялась лихорадочно перебирать стопки бумаг на столе мужа. Я рылась в свитках и счетных книгах, надеясь найти хоть намек, хоть одну запись о неудавшейся сделке с Артолским. Но ничего. Лишь пыль, оседавшая на пальцы, и гнетущее чувство, что Мирослав унес с собой все ответы.

В дверь осторожно постучала и вошла Зарема, держа в руках кружку с дымящимся чаем.

— Боярыня, что-то случилось? Вы как ураган пронеслись.

— Встретила на ярмарке Петра Артолского, — выпалила я, не отрываясь от бумаг. — Хочет купить лес, а я не могу найти ни одной записи, почему Мирослав сорвал сделку!

— Так это я вам, пожалуй, расскажу, — тихо сказала Зарема, и я тут же подняла на нее взгляд. — Они, поди, ольху хотели?

— Да, именно ольху!

— Те леса-то, боярыня, хоть и ваши, но наши люди туда сроду не ходят. Говорят, дела там нечисты.

— Зарема, говори яснее! — потребовала я, с силой хлопнув ладонью по столу. — Что значит «нечисты»?

— Несколько парней там сгнуло без вести, — ее голос стал шепотом. — Следов не нашли. Боятся туда наши люди соваться. Как в бездну канули.

— А что там? Разбойники? Нечистая сила?

— Кто их знает... — Зарема беспомощно развела руками. — Но не найдете вы ни одного человека, кто согласится туда ступить, а уж деревья рубить — и подавно.

— А я все же попробую!

Я стрелой вылетела из кабинета и помчалась искать Алексея. На счастье, он как раз возвращался с реки, весь в глине и с усталым, но довольным лицом.

— Алексей! Что ты знаешь про ольховые леса за рекой?

Лицо его тут же помрачнело.

— Опасно там, боярыня. Гибельное место.

— Сможем найти людей, которые согласятся рубить там лес?

— Вряд ли. А что, заказ есть?

— Объявился Петр Артолский. Хочет купить. Ты же понимаешь, как нам нужны деньги! Не только мне для долга, но и всей округе, чтобы с голоду не помереть!

— Не пойдут они, — покачал головой Алексей. — Жизнь дороже.

Но я решила не сдаваться. Снова вышла на ярмарку, чувствуя, как на мне зажигаются десятки глаз. Собрав волю в кулак, я встала на самое видное место, откуда меня было слышно всем.

— Дорогие односельчане! — мой голос, к моему удивлению, прозвучал громко и уверенно. — У меня к вам дело! Ко всем, кто хочет честно заработать!

Люди замерли, и все взгляды устремились на меня. Я увидела, как несколько мужчин вышли вперед, но в их позах читалась настороженность и страх.

— К нам снова пожаловал купец Петр Артолский! Многие из вас его знают и помнят, что он покупал у нас ольху. И помнят, чем та сделка закончилась. Но если сегодня найдутся смельчаки, готовые снова отправиться в тот лес, я обещаю щедрое вознаграждение!

Я обвела взглядом толпу. Несколько мужчин переминались с ноги на ногу, но никто не делал шага вперед.

— Я не брошу вас в опасности! — продолжала я. — Мы вооружимся всем, что есть в нашей кладовой! Если что-то пойдет не так — сразу возвращаемся!

— Да никто туда не пойдет, боярыня! — раздался чей-то голос из толпы. — В прошлый раз люди пропали! И не они первые!

— Но это наша земля и наш лес! — парировала я. — Мы должны знать, что там творится! И мы все можем на этом заработать!

— Заработает один Мирослав, как водится! — крикнул другой. — А нам — сушие гроши!

— Я заплачу в три раза больше, чем платил Мирослав! — заявила я и, увидев, как в глазах у некоторых вспыхивает интерес, добавила: — Нет, в четыре раза! Мне нужно пять человек! Кто готов — приходите ко мне, к усадьбе!

— Да никто в своем уме туда не сунется! — проговорил коренастый мужчина в засаленной тулупе. — Вот вы бы сами пошли, боярыня?

Вопрос повис в воздухе. Я на мгновение встретилась взглядом с Алексеем, который стоял на краю толпы, и увидел в его глазах предостережение. Но отступить было поздно.

— А я и пойду! — громко и четко заявила я. — Пойду вместе с вами, чтобы своими глазами увидеть, что же там такое!

Развернувшись, я ушла с площади под громкий, взволнованный гул голосов. Возвращалась домой, чувствуя, как дрожь от перенесенного напряжения сменяется ледяной решимостью.

Зарема встретила меня с ужином, и я наконец-то села за стол с детьми, пытаюсь хоть на время отогнать мрачные мысли. Но едва я принялась за еду, как в столовую снова постучалась Зарема.

— Боярыня, к вам пришли двое мужчин. Ждут у крыльца. Говорят, дело не терпит отлагательств.

Глава 14

Я вышла на крыльцо, где в стужающихся сумерках стояли двое мужчин. При моем появлении они поспешно сняли шапки, и старший, коренастый, с лицом, изборожденным морщинами и заботами, заговорил:

— Боярыня, мы пойдем в лес... но при одном условии, — он сделал паузу, перевел дух и выдохнул: — Если мы там погибнем...

Холодная волна прокатилась по моей спине.

— Я не собираюсь подвергать вас смертельной опасности, — сказала я твердо, глядя им прямо в глаза. — Я сделаю все, чтобы мы все вернулись живыми и невредимыми.

— Так уж жизнь сложилась, — тихо ответил второй, более молодой, с усталым взглядом. — Но коли уж на то пошло... позаботьтесь о наших семьях. Женах, детях.

— Я позабочусь, — пообещала я, и слова эти легли на сердце тяжелым камнем. — Даю вам свое слово.

Мне стало не по себе. Эти люди были настолько отчаявшимися и загнанными в угол нуждой, что готовы были купить будущее для своих семей ценой собственных жизней.

— Встречаемся на рассвете у моего дома, — сказала я, скрывая охватившее меня смятение. — Будьте готовы.

Мужчины молча кивнули, надели шапки и растворились в вечерних сумерках. С крыльца ко мне подошла Зарема, ее лицо было бледным от тревоги.

— Боярыня, вы уверены в том, что задумали? — прошептала она. — Может, найдем другие варианты? Это же верная гибель!

— Других вариантов нет, Зарема, — перебила я ее, и в моем голосе прозвучала сталь, которой я сама в себе не знала. — Проследи за детьми. Мне нужно встретиться с Артолским.

— Давайте Алешку пошлем, хоть он и молод, но дело уладит!

— Нет. Я все сделаю сама.

Я направилась в конюшню, оседлала лошадь и поехала к постоялому двору. Оттуда доносились звуки балалайки и громкие голоса — видимо, на вечернее веселье и хмельные напитки кризис в нашем поселении не распространялся.

Я вошла в шумную, прокуренную комнату. Воздух был густым и удушающим, пахло пережаренным салом, луком и дешевым брагой. В углу на скрипучей табуретке сидел слепой старик и наигрывал тоскливую мелодию.

Я сразу заметила Артолского. Он сидел за большим столом со своими людьми, его громкий смех выделялся среди общего гама. Я прошла между столами, чувствуя на себе любопытные и недружелюбные взгляды.

— Добрый вечер, Петр, — сказала я, останавливаясь у его стола. — Мы можем поговорить?

— Боярыня? — он обернулся, и на его лице отразилось неподдельное удивление. — В таком месте и в такой час? Присаживайтесь, прошу!

Один из его людей поспешно освободил мне место на скамье. Я села, стараясь не касаться липкой поверхности стола.

— Завтра на рассвете я и мои люди отправляемся в лес. Мы осмотрим делянки и назовем вам точный объем, который сможем поставить.

— Вы... лично? — Артольский откровенно изумился, его брови поползли вверх.

— Да. Лично.

— Удивительные нравы в ваших краях, — покачал головой купец. — Женщина ведет переговоры и сама собирается в гиблое место, за мужской работой.

— Времена диктуют свои правила, — парировала я, не отводя взгляда. — Вы готовы подождать до завтра?

— О, еще как готов! — он усмехнулся, и в его глазах вспыхнул азарт охотника, почуявшего дичь. — Мне даже нестерпимо интересно, чем это закончится. Знаете что? — он неожиданно хлопнул ладонью по столу, заставляя кружки подпрыгнуть. — Мы пойдем с вами!

Первым порывом было отказаться. Но мысль работала быстрее. Я шла всего с двумя отчаявшимися мужиками. Алексей, возможно, присоединится. А вооруженные и опытные люди Артолского — это серьезное подкрепление. Мы не знали, что нас ждет в том лесу. Лишние мечи лишними не бывают.

— Хорошо, — согласилась я. — Встречаемся на рассвете у моей усадьбы.

Попрощавшись, я вышла из таверны. За моей спиной на мгновение воцарилась мертвая тишина, которую затем вновь заполнили гул голосов.

Я чувствовала на себе десятки взглядов, будто приклеенных к спине. О чем они думали? Наверное, о том, что я сумасшедшая женщина, которая лезет не в свое дело. А может, уже догадывались, что Мирослав сбежал, и все его обязательства теперь висят на мне. Но я не собиралась ни перед кем оправдываться.

Я была уверена лишь в одном: я буду бороться до конца.

Вернувшись в усадьбу, я помогла Зареме уложить детей, слушая их сонное дыхание, словно это могло придать мне сил. Потом Зарема отправилась хлопотать по хозяйству, а я — в свою спальню.

Мне отчаянно нужен был отдых. Хотя бы несколько часов. Потому что завтрашний день обещал быть непростым.

Глава 15

Едва первые лучи солнца позолотили макушки деревьев, наш отряд двинулся в путь. Я шла впереди рядом с Алексеем, чувствуя на себе смесь уважения и недоумения от остальных. За нами следовали двое моих людей — Степан и Игнат, молчаливые и сосредоточенные. Замыкали шествие Петр Артолский со своими бойцами — опытными, с колчанами за спинами и мечами на поясах.

Я уговаривала Алексея остаться, присмотреть за добычей глины и порядком в усадьбе, но он наотрез отказался.

— Пока вы там, в лесу, я буду рядом, — сказал он, и в его юном, но уже повзрослевшем лице читалась непоколебимая решимость.

Я не стала спорить, тайно радуясь его поддержке. На Лешку свалилось столько, что иному взрослому мужчине не под силу, но он держался стойко. Если все так пойдет и дальше, из него выйдет прекрасный управляющий, кому я смогу доверить серьезные дела.

Когда мы подошли к опушке, мне стало не по себе.

Лес стоял перед нами густой, темной стеной, словно поглощавшей утренний свет. Воздух стал звеняще-тихим, будто все живое затаилось в ожидании.

Я слышала множество легенд об этих местах, но всегда считала их сказками, бабушкиными страшилками. Я, как и большинство женщин, выросла под крылом отца, а потом мужа, в уверенности, что нас оберегают от настоящих опасностей. Нас не допускали до таких дел.

Но моя жизнь сложилась иначе. Выйдя замуж за Мирослава, я быстро поняла, что за его бравадой скрывается слабая воля и поразительная лень. Ему претила рутинная работа управления. Сначала я помогала ему украдкой, тайком составляя бумаги и давая советы, чтобы не уронить его достоинство в чужих глазах. Я тогда еще любила его и искренне верила, что жена должна быть тихой опорой, скрытой в тени.

Но годы шли, обязанностей прибавлялось, а с рождением детей груз стал почти неподъемным. Я выдерживала только благодаря Зареме, ставшей мне второй матерью. А потом я стала узнавать о долгах.

Сначала по круплицам, украдкой, а потом — все явственнее. Он каждый раз клялся, божился, что вот-вот все исправит, найдет деньги, вернет былое положение. И я верила.

А разве могло быть иначе? Он был моим мужем, отцом моих детей.

Потом поползли слухи о других женщинах. Я отмахивалась от них, глушила в себе ревность и обиду, придумывая ему оправдания. До того самого дня в конюшне, когда он сам все признал, выложив свою трусость и предательство как нечто само собой разумеющееся.

В тот миг мой мир рухнул, а на его обломках осталась стоять только я — с тремя детьми, с долгами и с единственным выбором: либо сдаться и погибнуть, либо собрать волю в кулак и начать все заново.

Я не знаю, хватит ли у меня сил, но я должна доказать всем — и себе в первую очередь, — что наша земля может жить и процветать.

Да, я понимаю: если князь узнает, что Мирослав сбежал, а бразды правления в руках у женщины, он может прислать сюда нового хозяина. А меня, как вдову, могут выдать замуж против моей воли, лишь бы передать земли под контроль мужчины. Таковы суровые законы, с которыми не поспоришь.

Но, возможно, до того дня мне удастся сделать так много, что моя репутация станет моей защитой. Возможно, я успею доказать, что одна справляюсь лучше иного боярина.

Мы углубились в лес, и вскоре я почувствовала, как земля под ногами стала влажной и зыбкой, прогибаясь под каждым шагом. Воздух наполнился запахом влажного мха и гниющих растений.

— Тут начинаются болота? — тихо спросила я Алексея, стараясь идти точно по его следам.

— Да, — так же тихо ответил он. — Оляха любит сырость, часто растет по берегам рек и на болотистых почвах. Но мы идем по старой звериной тропе, она безопасна. Главное — не сходить с нее.

Я оглянулась через плечо. Игнат, шедший позади, испуганно водил взглядом по заросшим чащам, и его лицо было бледным. Мы замедлили шаг, и Алексей, обернувшись ко всем, предупредил:

— Дальше тропа уходит влево. Держитесь ее и не сворачивайте. Почва здесь коварная. Ступайте по кочкам и выступающим корням. Смотрите внимательно под ноги.

— Так может, ваших людей просто засосало трясина? — высказал предположение Петр, с недоверием оглядывая хлюпающую под ногами землю.

— Нет, — тут же отозвался Игнат, качая головой. — Мы с детства знаем эти места как свои пять пальцев. Каждую тропинку, каждое безопасное место.

— Если знаете каждую тропинку, чего же вы тогда сюда не суетесь? — не унимался купец. Игнат на мгновение замолчал, его лицо омрачилось.

— В детстве мы тут постоянно пропадали, — начал он. — Грибы собирали, ягоды, в речке купались. И ничего. А потом... пропал один мальчишка. Мой ровесник. Спустя год — еще один. Потом — третий. С тех пор эти места и зовутся проклятыми.

— И никто не пытался выяснить, в чем дело? — с растущим интересом спросил Петр.

— Были смельчаки, — мрачно кивнул Игнат. — Да только большинство из них назад не вернулись. А те, кто вернулся, ничего внятного рассказать не смогли. Говорили про странный туман, голоса... бред какой-то.

Я невольно обхватила себя за плечи, ощущая, как по спине бегут мурашки. Я уже начала горько жалеть о своей аванюре. Но с другой стороны, раз уж мы здесь, может, и вправду настало время раскрыть эту тайну?

Спустя примерно полчаса пути Алексей остановился и указал рукой вперед.

Мы стояли на небольшом, поросшем мхом утесе. Внизу, в глубоком овраге, петляла узкая, но быстрая речка, темная от торфа.

— Вот, — сказал Алексей. — Все, что за рекой — сплошной ольховый лес. Деревья как на подбор.

— Транспортировка будет адская, — мрачно заметил Игнат, снимая шапку и почесывая затылок. — Поднимать бревна по такому склону — себя не жалеть. — Он подошел к самому краю и окинул взглядом местность. — Можно попробовать везти вдоль русла, но река течет не в ту сторону. Получится огромный крюк. Будь она шире и полноводнее, сплавляли бы прямо по воде...

— Опасности никакой не вижу! — громко и самоуверенно заявил Петр, уперев руки в бока. — Природа у вас тут дивная, мне нравится!

С этими словами он ловко, присев на корточки, начал спускаться по крутому склону к самой воде. Спустившись, он наклонился, зачерпнул ладонью темной воды и с шумом умылся.

Потом обернулся к нам, чтобы что-то сказать, но вместо слов его лицо вдруг исказила гримаса ужаса. Он побледнел, как полотно, его глаза закатились, и он беззвучно рухнул на прибрежные камни.

У меня в горле застрял крик.

— Вниз! Быстро! — скомандовала я, и мы все, кроме оцепеневших людей Артолского, бросились скользить и спускаться по осыпающемуся склону.

Эти «воины», на которых я так рассчитывала, стояли наверху, будто вкопанные, их лица были масками страха.

Мы спустились вниз. Я, не думая о приличиях, упала на колени рядом с Петром, приложила пальцы к его шее. Пульс был едва уловимым, нитевидным, дыхание поверхностным.

— Жив, — выдохнула я.

Игнат и Степан, не теряя ни секунды, подхватили бесчувственное тело купца под мышки и за ноги и, кряхтя от натуги, потащили его наверх.

— Что с ним?! — просипел один из людей Артолского, наконец-то найдя в себе силы заговорить.

— Разберемся в деревне! — бросила я через плечо, поднимаясь. — Но к этой воде нельзя прикасаться! Она отравлена!

И тут я заметила, что Алексей не пошел с нами. Он все еще стоял у самой кромки воды. В его руках был его собственный пустой бурдюк.

— Алексей, не смей! — крикнула я.

Но он не послушал. Ловким движением, стараясь не замочить рук, он зачерпнул темной, подозрительной воды, плотно закрутил горлышко и прицепил бурдюк обратно на пояс.

— Пробу возьму, — коротко объяснил он, подходя ко мне. — Отдам нашим знахарям. Нужно понять, что это за отравка. Без этого мы никогда не раскроем тайну этого леса.

С этими словами он стремительно рванул вверх по склону, чтобы догнать мужчин, тащивших Петра. А я, бросив последний взгляд на коварную, тихо журчащую речку, последовала за ним, чувствуя, как сердце колотится в груди от страха и осознания, что мы столкнулись с чем-то гораздо более страшным, чем просто суеверия.

Глава 16

Мы внесли бесчувственное тело Петра в ближайший пустующий сарай неподалеку от моего дома. Воздух внутри был густым и пыльным, пахло сеном и старой древесиной.

Алексей тут же бросился за знахарями, а я осталась рядом с купцом, стоя на коленях на грубом полу. Он дышал коротко и прерывисто, все его мышцы были напряжены, а по телу пробегали судорожные вздрагивания. Я приложила ладонь к его лбу — кожа пылала сухим, опасным жаром.

— Зарема! Холодной воды и чистых тряпок! — крикнула я, и нянька, не задавая вопросов, бросилась выполнять приказ.

Вернувшись с миской и грубыми льняными отрезами, она помогла мне. Я смочила один лоскут в ледяной воде, отжала и положила его на пылающий лоб Петра. Другим начала протирать его руки и шею, пытаюсь сбить жар.

Его люди стояли у входа, впав в оцепенение, их лица были бледны. Игнат же, сняв шапку, тихо и безнадежно шептал молитву, обратив взгляд к потолку.

— Хватит тут панику разводить! — резко оборвала я его, не отрываясь от работы.

— Проклятие... — простонал Игнат. — Мы же говорили, тот лес проклят...

— Это не проклятие, а отравка! — парировала я, с силой проводя мокрой тряпкой по руке Петра. — Нужно понять, чем именно, и найти противоядие. Он не должен умереть! Вы понимаете, какие после этого начнутся проблемы? — я подняла взгляд на его людей. — А вы что стоите? У вас с собой есть какие-нибудь снадобья, противоядия? Вы же купцы, постоянно в дороге!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.